

Ю. В. Шаркова

Философская автобиография как нарратив эпохи

УДК 316.7

В данной статье рассматривается особый жанр философского эго-текста – философская автобиография. Философская автобиография представляет собой своеобразный творческий акт, которому автор-мыслитель придал форму нарратива. На материале отрывков из автобиографических текстов различных временных периодов проанализированы особенности репрезентации эпохи, в которую жил автор.

Ключевые слова: философская автобиография, эго-текст, нарратив, мыслитель.

Yu.V. Sharkova. The philosophical autobiography as a narrative of the epoch

This article focuses on a particular genre of philosophical ego-text - a philosophical autobiography. The philosophical autobiography represents the original creative certificate which the author-philosopher gave a narrative form. Features of representation epoch in which the author lived are analyzed on the material of fragments from autobiographical texts of the various time periods.

Key words: the philosophical autobiography, an ego-text, narration, the thinker.

Философская автобиография представляет собой эго-текст, т. е. текст, написанный мыслителем о себе, о своей жизни, о своих мировоззренческих и нравственно-ценностных установках. Философская автобиография – это не просто фиксация жизненных этапов, как правило, хронологически выстроенная. Это осмысление автором эпохи, ее идеологических, социально-политических характеристик, отражение собственного мироощущения и мировосприятия, самоидентификация.

Изучая идеи и творчество людей, незнакомых или ушедших из жизни, мы отождествляем их Эго с предлагаемыми или оставленными о себе текстами. В этом случае, философская автобиография выступает репрезентантом творческой личности, данный вид эго-текста способен не только его представлять, но и замещать его автора.

Мыслитель как автор философской автобиографии обращается к нарративному методу. Исследователь нарратива Н. С. Петренко определяет его следующим образом: «Нарратив – это организация материала в порядок хронологического следования, образующий ее связный рассказ» [7:11]. Исследователь представляет нарратив особым изображением, описанием какого-либо социокультурного феномена, разворачивающимся во времени, последовательным и упорядочиваемым. Это рассказ с открытым финалом, «дополненный сопутствующими обстоятельствами и условиями» [7:11]. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самооценность. Посредством нарративного метода в философском эго-тексте происходит индивидуализация «Я» и идентификация действий личности. Кроме того, перед нами раскрывается поэтапный процесс повествования: о начале жизненного пути, становлении, зрелости, дальнейшем разворачивании событий, взаимоотношений с другими людьми и т. д. Автор философского эго-текста как нарратор рассказывает, повествует о собственных действиях и поступках, чтобы читатель увидел проявление особой сущности – сущности его личности.

Согласно мысли Е. Г. Трубиной, нарратив заполняет все наше социокультурное пространство, мы даем нарративное определение самих себя и окружающих, описывая свои прошлые действия и взаимоотношения, придавая тем самым смысл своему поведению и поведению других людей. Нарратив позволяет нам осознать, кем они являются [8:100]. Таким образом, под нарративом можно понимать языковой акт, представляющий вербальное изложение и содержание, того, кто повествует, нечто сообщает или рассказывает. Нарратив может рассматриваться как законченное высказывание, в силу того, что он задает определенные нравственные ориентиры и ценностные установки.

Автобиографии содержат в себе определенные модели поведения личности, где нарратив является своеобразным фильтром, пропускающим через себя все элементы, связанные и несвязанные между собой, но выступающие как единое целое. Так, сюжет произведения представляет собой нарратив как процесс превращения отдельных событий в единое целое. Каждая историческая эпоха имеет свойственные только ей культурные традиции и владеет тезаурусом сюжетов, которые могут быть использованы в дальнейшем для организации событий жизни в истории, иными словами, нарратив воссоздает образы для других поколений. Его уникальность заключается не только в простом отражении последовательности событий и их сохранении, но и в возможности изобрести нечто новое. Автор-нарратор не просто регистрирует поток событий, он констатирует и осмысливает их.

Для выяснения философского смысла автобиографии читатель должен быть не менее активен, чем автор. Речь идет о философском прочтении эго-текста, прочтении сквозь призму собственного «Я», особого эмпатического процесса, постановки себя в каком-то смысле на место эго-автора. В. В. Миронов комментирует процесс философского прочтения: «Читая Платона, я персонифицирую его текст, я не могу его читать так, как читал бы его сам Платон. Я вношу в него свое «Я», развиваю близкие мне смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, другими социокультурными обстоятельствами» [5:10]. Читатель, имея перед собой автобиографию, смысл и значение которой заданы конкретно-историческим социокультурным фоном и самосознанием ее автора, осуществляет философское прочтение, проникая внутрь текста, с целью разыскать в нем новые смыслы и значения, связанные с его самосознанием и новыми социокультурными обстоятельствами.

Осмысление феномена мыслителя как творца философской автобиографии связано с идеей конструирования в индивидуальном сознании целостного представления о самом себе, своих жизненных и профессиональных целях, способностях, возможностях в выборе средств достижения целей. Все связанное с душевными переживаниями, исканиями, полаганиями и сомнениями приводится в некую систему, впоследствии выстраивающуюся в цепь событий.

Философская автобиография представляет собой специфическое ментальное отражение не только чувств и жизненных принципов мыслителя, но и личностных позиций и идеалов, сформировавшихся в результате идентификации его как представителя той или иной общественной ниши и, несомненно, субъекта, способного осуществлять непрерывный диалог с остальными членами социума.

Читателю, но не любому, а лишь обладающему необходимым инструментарием для анализа текста подобного рода и адаптированному к его жанровой и языковой специфике, нельзя не принимать во внимание целостность творчества автора и целостность культурной эпохи, в которую творил автор. Ведь текст – это инструмент не просто присвоения культуры, но личностного самоопределения человека в культуре, социуме, расширения границ самого себя, выхода за свои пределы. Вырвав текст из пространственно-временного и социокультурного контекста, читательское сознание не сможет адекватно спродуцировать образ автора, являющегося одновременно и субъектом, и объектом наблюдения. Интерпретация философского эго-текста (будь то сборник мемуаров «Курсив мой» Н. Берберовой, «Автобиографические заметки» М. Кагана, роман-инструкция «Мое дело» М. Веллера, «Страницы автобиографии» В. И. Вернадского

или дневниковые записи А. Тарковского) осложнена тем, что не всякий адресат может расшифровать код этого «послания». Первоначально определяется основной мотив создания текста: желание автора исповедаться перед самим собой или стать объектом восприятия читателя любого социально-временного формата, обусловив это потребностью запечатлеть правдивый образ эпохи, особенности идеологии, нравственных ориентиров, политических приоритетов и религиозных концепций общества.

Философская автобиография – это не просто рассказ автора о себе, отличающийся нарративной связностью. Это репрезентация многогранной личности, ее социокультурной и исторической «судьбы», персонификация эпохи, в которую жил автор. «Группа высланных выехала из России в сентябре 1922 года. Мы ехали через Петербург и из Петербурга морем в Штеттин и оттуда в Берлин. Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек. Поэтому из Петербурга в Штеттин мы наняли целый пароход, который и целиком заняли. Пароход назывался “Oberburgermeister Naken”. Когда мы переехали по морю советскую границу, то было такое чувство, что мы в безопасности <...>. Уже за границей я писал много о коммунизме и русской революции. Я пытался осмыслить это событие, имеющее огромное значение не только для судьбы России, но и для судьбы мира», – так описывает Бердяев начало XX века [3:282, 286].

Современный автор конца XX в. С. Белхов в автобиографическом произведении «До различения добра и зла: философская автобиография» воссоздает конкретный образ эпохи и общества того времени. Автор принадлежит к новому, молодому поколению российских философов, сформировавшемуся в бурные и сложные девяностые годы XX столетия. Влияние общественной идеологии, состоявшей в глубоком и прочном разделении взглядов интеллигенции и пролетариев, с тревогой ожидаемые неизбежные перемены в социально-политическом пространстве – все это явилось основополагающим при формировании философских взглядов мыслителя, выработке его принципов и мировоззренческих установок. Читаем у Белхова: «В конце августа мое бурное ликование по поводу обретенной свободы и легкости было прервано путчем и воцарением в стране ГКЧП. Утром я отправился в центр Москвы – частично по книжным магазинам, частично влекомый любопытством. По улице Горького (ныне – Тверская) троллейбусы не ходили; от площади Пушкина движение было перекрыто. Неожиданно я натолкнулся на объявление о митинге в 12 часов дня у Белого дома... Митинг воодушевил меня и дал слабую надежду, что мы победим. Я узнал, что есть центр, который объединяет

сопротивляющихся – Ельцин, Правительство России, и я пошел вместе со всеми. Нас было тысяч 5–8. У Белого дома опять состоялся митинг. Стояли танки – наши танки. Мужчин призывали записываться в отряды обороны... Безусловно, я был участником крупнейшего исторического события – падения коммунизма в России... Я рад и горд, что мне делом удалось поучаствовать в тех событиях. Я очень надеюсь, что они – начало новой исторической эпохи для России. Эпохи лучшей, чем та, что заняла первое тысячелетие ее истории» [1:226, 229]. Это пример презентации эпохи, «отрывок» которой и представляет собой данный эго-текст.

Образ эмигрантской России, тема бездомности, осознанной не как трагедия, но как неизбежный удел человека двадцатого столетия, свободного от приверженности «гнезду», переставшего быть верным слугой Отечества – все это представлено в автобиографии Н.Н. Берберовой «Курсив мой», в которой, оглядываясь на свою жизнь, она реконструирует свое прошлое в духовном и идейном контексте времени. Определяя свою жизненную и литературную позицию как антипочвенную, антиправославную и прозападную, Н. Берберова через эти характеристики выстраивает «структуру» собственной личности, противостоящей «бессмысленности и непрочности мира». Книга дает уникальную панораму интеллектуальной и художественной жизни русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами. Вот рассуждения по аграрному вопросу: «...Крестьяне, или, как их тогда называли, мужики, были двух разных родов, и мне казалось, будто это были две совершенно разные породы людей. Одни мужики были степенные, гладкие, сытые, с масляными волосами, толстыми животами и раскормленными лицами. Они были одеты в вышитые рубашки и суконные поддевки, это были те, кто выходили на хутора, то есть выселились из деревни на собственную землю... Они в церкви шли с тарелкой, ставили у образа “Утоли моя печали” толстые свечи (хотя какая могла быть у них печаль?)... Другие мужики были в лаптях, ломали шапку, одеты были в лохмотья и лица их были потерявшие всякое человеческое выражение. Эти вторые оставались в общине, они были низкорослые, часто валялись в канаве подле казенной винной лавки...» [2:345].

У современного мастера русской прозы М. Веллера в автобиографическом произведении «Мое дело» можно обнаружить так называемую философскую антитезу: Я и общество, Я и Они, Я и Эпоха. «Они хотели, чтобы я спился, повесился, уехал. Я не спился, не повесился и не уехал. Я не заткнулся. Не по зубам был кляп...», – пишет М. Веллер [4:480]. У него же: «Брежневская эпоха душила нас. Печататься было невозможно...Я вышел на улицу в злобе и по слякоти

пошел в винный. В России нельзя не пить» [4:507]. Для философского эго-текста характерны подобные противопоставления. Они имплицитно составляют «гордость» рассказчика, который достиг поставленной цели, бросив вызов обществу.

Серии частных впечатлений, желаний, интенций, жизненных эпизодов являются первичным фактом философской автобиографии. Все это так или иначе связано с жизнью общества, культурно-историческими особенностями периода жизни и творчества автора. Иначе говоря, речь идет о возможности реанимации биографического времени, которое является не только временем историческим, но и психологическим, т. е. связанным с некоторым «я», с действительной психической и ментальной жизнью человека. Мыслитель, при всей специфичности его ментальности, испытывает потребность в обеспечении «законсервирования» времени и своего прошлого в эго-тексте. Он как бы совершает переход в другой пространственно-временной континуум. Время, в котором пребывает автор, уже не течет и не меняется.

Таким образом, социокультурные факторы нельзя не считать основополагающими при легитимизации и опосредованности признаний и откровений мыслителя, анимизации продуктов его жизнетворчества. Философская автобиография, являясь персональным нарративом, способна репрезентировать социальное «Я». В автобиографиях содержится обмен между личным и социальным: индивидуальные нарративные конструкции тесно переплетаются с коллективными, ибо автор вписан в социум, живет в нем. Каждому последующему автору имплицитно предлагается определенный образец философствования, на основании которого он может осмыслить свою жизнь и создать новое произведение. И эта связь индивидуального и коллективного выступает основой идентичности философских эго-текстов. Посредством философских автобиографий можно «прочитать» судьбу автора в культурно-историческом и социальном аспекте.

Современный человек испытывает необходимость в фиксации личной, индивидуальной жизни. Новые социокультурные реалии, интенсивное развитие рыночной экономики, экспансия средств массовой коммуникации, каналы которой переполнены низкопробной продукцией массовой культуры и агрессивной рекламой, существенно воздействуют на духовный уклад современного российского общества, стимулируют процессы переоценки традиционных идейно-нравственных ценностей. Виртуализация действительности проводит к сосредоточению времени в одной локальной точке: здесь и сейчас. Человек как бы выпадает из пространства и подчиняется ускоренному темпу событий. Образуются противоречия между желаниями и возможностями человека и условиями жизни. Пытаясь обрести себя в

этом мире, личность проявляет интерес к прошлому, чтобы постичь настоящее и извлечь жизненные уроки. В этой связи актуально обращение к философским автобиографиям, в которых акцентируется внимание именно на проблеме самоидентификации и самовыражения. Вопрос о мере правдивости автобиографий, в том числе – философских, менее волнует сознание, нежели мысль о том, что авторы-создатели автобиографических текстов, совершенно обычные люди, со своими проблемами, желаниями и потребностями, пусть и умеющие придавать мысли особую форму, называемую суждением.

Философская автобиография носит назидательный, поучительный характер. Мыслитель как бы оставляет своим потомкам завещание, состоящее в жизненных уроках, представленных серией эпизодов, фактов, ситуаций, ошибок и успехов. Реконструкция прошлого есть связующее звено между настоящим и будущим, но не следует забывать о том, что писать о себе может не каждый, а лишь тот, кто обладает широким кругозором, имеет собственную мировоззренческую позицию, специфический образ мысли. Философские автобиографические тексты представляют собой особый семиотический ресурс, не являющийся ни частотным, ни пропагандируемым в доступном субъекту времени и слое культуры, но являющийся, тем не менее, персонально отобранным им для самого себя и значимым с точки зрения объективизации именно его собственных смыслов и переживаний, продуктов культурного социогенеза зрелой личности.

-
1. Белхов С. До различения добра и зла: философская автобиография. М. : Вагриус, 2006. 623 с.
 2. Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М. : Согласие, 1999. 736 с.
 3. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Мир книги, Литература, 2006. 416 с.
 4. Веллер М. Слово и судьба. М. : Аст Москва, 2008. 539 с.
 5. Миронов В. В. Специфика гуманитарного знания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм?) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1998. № 6. С. 3–27.
 6. Митина С. И. Философский эго-текст в культуре: репрезентивная модель. Саранск : Мордов.гос.пед.институт, 2008. 130 с.
 7. Петренко Н. С. К проблеме нарратива в методологии истории // Филос. науки. 2001. № 1. С. 110–120.
 8. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 180 с.